

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.5

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-104-116

БРИКС-БРИДЖ СТРАТЕГИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Шоркин А. Д.

Аннотация: В статье сопоставляются политические объединения двух типов. Европейский союз зиждется на старых режимах интеракций, свойственных иерархическому мировому порядку. Новый порядок отношений демонстрирует БРИКС, который является объединением стран, но не блоком государств. Взаимодействие государств в нем ограничено построением основы инфраструктурных логистик – мостов для интеракций хозяйствующих субъектов и общественных организаций. Брикс-бридж стратегии противостоят уходящему мировому порядку с четырьмя традиционными режимами взаимодействия государств, которые основаны на силе и на ущемлении суверенитетов. Суверенитет текуч и фрагментарен, он не может быть «полным», абсолютным. В основе суверенитета лежит рекурсивность, его оплотом является ментальная автономия. Оба этих начала обесценены или имитируются в ЕС, но неприкосновенны и поощряются в БРИКС.

Ключевые слова: мировой порядок, режимы взаимодействий, суверенитет, рекурсивность, Европейский союз, БРИКС.

На протяжении всей человеческой истории представления о мировом порядке были основаны в логическом отношении на построении тех или иных иерархий: на выделении первостепенных акторов и менее влиятельных, на государства сильные и слабые, на общества лучшие и худшие. Апелляции к принципам построения иерархий были различны, но не слишком изобретательны. В основном они сводились к военной силе и экономической мощи. Кто сильнее, тот и устанавливает нужный ему порядок. Дополнительно незатейливо грубые аргументы силы приукрашивались ментально изящными отсылками: когда-то – к величию своего тотема, позже – ссылкой на божественное провидение или высокую цивилизационную миссию, на демократию или свободу. Они служат для оправдания произвола, носят характер симулякров. С их помощью осуществляются эффективные манипуляции теми людьми, кто совершает насилие, хищников, хотя в программировании жертв эти симулякры, конечно, менее успешны. Веру в нужный симулякр позволено распространять и мечом, и проповедью. Концепт «свободного мира» сегодня носит все ту же первобытную смысловую функцию симулякра.

Стремление создать принципиально иной мировой порядок, который не был бы основан на иерархии – назовем такие дерзкие попытки «брикс-бридж стратегиями» – понятно, наталкиваются на сильнейшее сопротивление стереотипов привычного пони-

мания мироустройства. Непременно добровольное, как в БРИКС, наведение разнообразных «мостов» между суверенными обществами (вместо привычного меркантильного использования инструментов ограничения суверенитетов сильными по отношению к тем, кто слабее и стоит ниже на лестнице иерархии), действительно, поначалу может показаться вялой, даже утопичной стратегией.

Ведь с архаичных времен сильные сообщества людей, как правило, укрупнялись поглощением тех, кто слабее. В потестарных обществах из отдельных родов складывались племена, а из них формировались союзы племен. Возникающие государства от множественности полисов с естественной необходимостью пришли к построению остро конкурирующих за ресурсы национальных государств. Из этих фактов в качестве эмпирического обобщения были получены известные «законы пространственного роста», а также сложилась почти подразумеваемая трактовка войн, которые неизменно сопровождали всю нашу историю, атрибутивным способом ее развития. В самом деле, иерархии всегда основаны на ущемлениях суверенитетов и могут поддерживаться только силой.

К XX в. этот порядок с наиболее образной, почти соматической отчетливостью выразил Фридрих Ратцель: государственные организмы нуждаются в жизненном пространстве, а посему и поглощают тех, кто слабее. «Состояние борьбы не исключает государственного порядка, а, напротив, вызывает его» [1, с. 169]. Для многих исследователей границы – это «центры роста», фронтиры продвижения, «щупальцы» экспансии [2, с. 457]. Территориальное расширение, мол, естественно, нормально, хотя при определенных условиях оно может смениться и вынужденным сжатием.

Действительно, когда на заре геополитики формулировались эти представления о «пространственном росте государств», над Британской империей солнце вообще, в прямом смысле слова, не заходило. И впрямь можно было говорить, предвосхищая глупые амбиции нынешних украинских националистов, о глобусе Великобритании: на глобусе величие и обширность географических владений и в самом деле нагляднее, чем на плоских картах. Пирог ойкумены к концу XIX в. был разделен всего на дюжину основных кусков, что наглядно демонстрирует, например, карта освоения территорий планеты, приводимая Карлом Хаусхофером [2, с. 277]. Но к середине XX в. уже насчитывалось более 50 государств, а в XXI веке их число перевалило за две сотни. Прежде, за короткое время после Французской революции 1789 г., количество политических объединений Европы сократилось с (примерно) трехсот до, к 1815 г., тридцати восьми [3, с. 544]. Обилие исторических данных подтверждает факты многочисленных и разнообразных пульсаций – то собирания земель под единое начало, то, напротив, их дифференциации на разбегающиеся осколки прежней целостности.

Нехитрая эта схема прослеживается даже в сюжетах мультфильмов для детей: сначала крупная рыба охотится за мелкими рыбёшками, затем уже самая большая заглатывает наевшегося охотника, а потом она вдруг лопается, все рыбки выходят на свободу и разнообразие водоема вновь начинает свой хоровод. Образная эта картинка неплоха для первого знакомства с функционированием пищевых цепочек в природе. Но разве дети знают, что у людей все может быть совсем иначе? Похоже, об этом не ведают и

взрослые. Сегодня важнейший вызов нашему интеллекту и нашему гуманизму состоит в ответе на вопрос: обречена ли геополитика оставаться в аттракторе старых стратегий?

В сегодняшних условиях угрозы третьей мировой войны проблеме смены мирового порядка присуща, без преувеличения, актуальность экзистенциальной глубины.

Цель статьи состоит в сопоставлении двух версий мирового порядка: традиционного, построенного на иерархиях и нового, который демонстрирует БРИКС. Цель эта достигается решением четырех задач: выделить режимы интеракций иерархического порядка и специфику интеракций в БРИКС, уточнить понятие «суверенитет», а также выявить цель объединения современной Европы.

Традиционные формы трансакций: режимы «удержания в седле»

Плоская (non step, flat, even) онтология мира без иерархий, к которой устремлены брикс-бридж стратегии, вовсе не предполагает игнорирования, а, тем более, разрушения нормальных центров силы, существующих в реальном мире. К их числу, прежде всего, следует отнести экономическую продуктивность стран или регионов, их военную силу, уровень технологической оснащенности, а также степень влияния информационной активности.

Конечно, страны имеют заметно отличающиеся доли в мировой торговле или в возможностях информационного воздействия. Китай, с его численностью населения и достаточным уровнем технологического развития ныне естественно доминирует на рынке, тогда как в прежние времена заметная доля мировой торговли была сосредоточена в руках купцов средиземноморья. Недавнее всепроникающее влияние Голливуда сегодня ослабло, «американский образ жизни» изрядно полинял, кое-где стал предметом насмешек и активного отторжения. Информационный центр сил переместился в виртуальные сети, не столь прочно привязанные к территориальным и политическим локациям.

Лидерство в сфере технологий за долгую историю то и дело переходило от одних стран – к другим. К тому же в разных областях технологий лидерами являлись разные страны, а во многих случаях достижения современных hi-tech продуцируют транснациональные корпорации.

Наименее лабильны военные центры силы, хотя также множество раз меняли свою дислокацию и национальную принадлежность. В настоящее время ядерное оружие пока контролируется национальными государствами, но расплзается по планете. По критериям распространенности военных баз, числа ядерных зарядов, современных ракет, подводных лодок или развитию беспилотных средств нетрудно выделить многие центры военной силы, причудливо рассредоточенные по планете и контролируемые многими государствами.

Конечно, соблазн отдельной страны или их альянса объявить себя – в опоре на собственную военную и технологическую мощь, на информационную и экономическую влияние – гегемоном и единственным центром силы по-прежнему велик. Но гегемон всегда территориально очерчен (иначе над кем ему главенствовать?), реальные же центры сил во многом расположены поверх границ, лабильны и постоянно меняют свою конфигурацию. Усиление другой страны, вызванное движениями центров силы, про-

воирует борьбу за передел сфер влияния, за смену доминирования. Гегемон подобен всаднику: он претендует на то, чтобы навсегда оседлать центры силы, однако самонадеянный наездник рано или поздно неизбежно будет сброшен. Традиционные трансакции осуществляются в режимах «удержания в седле», всегда избыточно напряженных, ненадежных и, в конце концов – преходящих.

Первый из таких режимов состоит в обычном поглощении сильным актором – слабым. Империя инков к концу XV в. включала в себя «почти все оседлые народы и племена народов Анд» [4, с. 580]. Как огромная, протянувшаяся более чем на тридцать градусов географической широты рыба из мультфильма, она лопнула при столкновении с колонизаторами Старого Света. Схожая участь постигла бывшего могущественного поглотителя десятков обществ Центральной Америки – ацтеков. От когда-то раздутых классических империй Европы или Средиземноморья в лучшем случае остались только осколки – усеченные и униженные метрополии. Режим поглощения скверно заканчивается, хотя и начинается с оптимизмом.

Высадившиеся на «островах Вест-Индии» европейские колонизаторы вплоть до XIX в. сумели оккупировать только малую часть континента, узкую полосу его восточного побережья. С тех пор будущие США поглотили обширные западные территории континента и множество его аборигенных народов, а сегодня без тени смущения претендуют на поглощение новых: принадлежащей Дании Гренландии, всей суверенной Канады, а также небольшой, но важной в стратегическом отношении территории Панамского канала. Потом настанет черед распространения и усиления господства над Южной Америкой – разве не об этом доктрина Монро? СССР тоже не устоял перед искушением кое-что «проглотить», но все избыточное, даже с лихвой, пришлось с убытками и кровью отпустить. Россия устояла, и теперь постепенно, с напряжением сил, возвращается к нормальному балансу. Когда «лопнут» США, где возникнут трещины разрывов и как пройдут линии раскола? Устоять, «удержаться в седле» после прохождения пика эйфории поглощения – задача трудная, далеко не всегда выполнимая.

Второй режим традиционных трансакций состоит в праве на грабеж: сильный актор, тот, кто выше в иерархии, по обыкновению, грабит тех, кого сможет, кто слабее. Экономика обществ викингов или пиратских сообществ зиждилась на грабежах. В конце XVI в. Москва была разграблена и сожжена крымским ханом, огромная территория Северного Причерноморья звалась «дикой степью», в которой рисковал исчезнуть всякий человек, всякий груз. Купец Афанасий Никитин, уже прошедший «три моря», на обратном пути бесследно пропал вместе с обозом именно там, в «дикой степи». Галеоны с награбленным серебром и золотом пересекали Атлантику полтора-два столетия. Правда, в отличие от викингов или пиратов, открыто усматривающих доблесть в грабеже, в более поздние времена грабеж стыдливо прикрыт словесной кисеей: то ли – миссионерства, то ли – глобального сотрудничества и приобщения к демократическим стандартам.

Грабеж на постоянной основе (не на актуальном насилии, а больше на его угрозе) составляет третий из традиционных режимов: вымогательство. Он выступает под маской мнимой заботы, квазизащиты сильным актором – более слабым. Таковы современные

рэкэт, «крыша» или популярное в отечественной историографии татаро-монгольское иго. Его суть – в принуждении к изъятию ресурсов. Или, в более общем виде, в праве гегемона регулировать обмены, движения чужих ресурсов. Вариантом этого ложного протекционизма является препятствие рыночному перемещению ресурсов в интересах сильной стороны. Многочисленные современные рестрикции, санкции являются инструментами вымогательства. Как заманчиво обложить высокой пошлиной импортируемые товары из непослушных стран или заставить послушных сателлитов покупать свои товары по завышенным ценам! Диктовать кому, что и за сколько можно продавать! ВТО, разумеется, была быстро торпедирована США, иначе как поддержать иерархический порядок, как «остаться в седле»?

Наконец, упомянем еще один режим традиционных трансакций – приобщение к экспансии. Он побуждает акторов к объединению для достижения лакомой цели. Так в иных, неполитических мирах иерархий вокруг главарей сколачиваются шайки разбойников или воров. Или музыканты – вокруг солиста («звезды»), актеры – под эгидой режиссера. Они вместе, пока есть перспектива успеха, заработка, добычи, пока есть «дело». С падением рейтинга «звезды» рассыпаются и творческие коллективы. Шайки распадаются, когда экспансия невозможна, когда «дела» нет. Экспансия древнего Рима привлекла множество попутчиков, вместе они краев ойкумены достигли. А когда она иссякла, распалась и Империя. Союз «Шести наций» ирокезов сложился в Северной Америке XVII–XVIII веков для борьбы с европейскими колонизаторами, чтобы вернуть отторгаемые земли [1, с. 174]. В итоге предприятие претерпело неудачу, и, как следствие, коалиция распалась. В походе Наполеона на Россию участвовали воины двух десятков стран, 190 тыс. солдат поставили только германские государства. (3, с. 510). Для чего объединилась нынешняя Европа, какому замыслу подчинены национальные суверенитеты европейских стран?

Дабы было ясно, о чем идет речь, предварим возможный ответ на этот важный для России вопрос о намерениях соседей уточнением понятия суверенитет.

Суверенитет без иллюзий

Основное недоразумение, проникшее даже в словари, состоит в понимании суверенитета как «полной независимости государства» в своей внутренней и внешней политике от других стран. На деле полнотой независимости никто обладать не может. Абсолютный суверенитет утопичен хотя бы потому, что самая могущественная и самодостаточная страна нуждается в каких-то природных ресурсах, отсутствующих на своей территории. И вовсе уж абсурдно полагать, что можно и нужно отгородиться от «заморских» технологий и прочих иноземных культурных влияний. Для фонда мировых достижений политические границы несущественны, он живет (располагается и развивается) поверх границ. Сокровищница культурного наследия, достижений науки или искусства распахнута для всех. Технические новшества (за немногими исключениями) патентуются WIPO и открыты для любой организации или страны. Содержания фондов все время в движении, в диффузии, в информационной и просветительской работе.

Абстракция абсолютного суверенитета пуста и в логическом отношении. Уже у

Жана Бодена власть короля парадоксально свободна от им же принятых решений – ведь он «подотчетен только Богу». Вовсе не в шутку хозяин своего слова может его дать, а может и забрать назад. Так некоторые политические деятели, ослепленные мнимым всемогуществом или правом лгать тем, кто «ниже», поступают и сегодня. Главный же логический изъян заключается в невозможности выстроить внешнюю политику без учета не только собственных, но и чужих национальных интересов. Как можно реально выстроить внешние отношения (именно так их именуют) игнорируя наличие второй стороны, интересов другого субъекта? Мыслить какое-либо отношение – значит полагать и себя, и другого. Субъект с абсолютным суверенитетом выключен из связей с иными субъектами, он может обладать, в логическом плане, только свойствами, но никак не отношениями.

Суверенитет, таким образом, ошибочно считать некой субстанцией состояния государства, завершенной и цельной. Он носит процессуальный характер, медленно обретает (или теряет) свою полноту, всегда частичен, фрагментарен. Процессуальный характер суверенитета означает, что за него нужно бороться, что его нелегко растить и нетрудно потерять. Многие государства, позиционирующие себя «суверенными», выдают желаемое за действительное. Так дама подбирает одежду, которая скрывала бы ее телесные изъяны. Изъяны суверенитета скрыть труднее: вовлеченность страны в чужую сферу влияния – вещь достаточно очевидная. В таком случае ничего не остается, как лицемерно объявить о «суверенном» решении присоединиться к довлеющему гегемону. Или вообще патетически предать автономию публичной анафеме, лукаво сославшись на мифические «нормы международного права». Последним бастионом автономии, конечно, является ментальный суверенитет.

В итоге, холистический подход к целостности суверенитета, красивая презумпция его неделимости – это всего лишь устаревший миф, когда-то, во времена Бодена, простительный и нужный для высвобождения светской власти от церковного диктата. Социальная автономия теперь зиждется совсем на ином основании, о котором часто предпочитают умалчивать.

В основе автономности социальной системы, справедливо замечает Никлас Луман, лежит ее такое свойство, как рекурсивность [5, с. 230]. В логике известны рекурсивные определения, они строятся операторами типа «такой как, но...». В математике широко используется рекурсивные (то есть, исходящие из собственного, с каждым шагом меняющегося наличного состояния) функции или алгоритмы. Суть рекурсивности, таким образом, состоит в том, что когнитивная ясность и аналитический прогноз выстраиваются на непременном учете прошлых состояний системы. Будущее социальных систем сильно зависит от того, каковы они были раньше, и чем являются теперь. Свою историю нужно помнить, отказ от собственной истории – это отказ от суверенитета.

Не случайно «войны за историю» ведутся с ожесточением, с беспримерным упорством и изобретательностью. В начале XX в. пионер конвейерного и массового производства Генри Форд хоть как-то оплатил свое право противостоять традиции. «Мы хотим жить в настоящем, и никакая история не стоит ломаного гроша, кроме той, которую

мы делаем сегодня» [цит по 6, с. 142]. Во второй половине XX в. Старший Брат в известной антиутопии Джона Оруэлла уже эффективно руководствуется формулой стирания памяти: «кто управляет прошлым, тот управляет будущим; а кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». А в XXI в. сокровище традиции стараниями некоторых кое-где просто превращено в пепел. Историки, безапелляционно подытоживает западную позицию Н.Ю. Харари, «изучают прошлое не для того, чтобы мы его повторили, а для того, чтобы мы от него избавились» [7, с. 79]. Вполне созвучно, как видим, древним рецептам отделения народа от корней, производства беспамятных манкуртов. Лучший безжалостный янычар, показывает долгий и жуткий опыт, и вправду возвращается из плененного ребенка, лишенного памяти предков.

Банальность этой высокой мысли затеняет, однако, еще одно (кстати, тоже тривиальное) соображение: сильной рекурсивностью обладают системы закрытые, мало подверженные внешним воздействиям. Открытые же системы в условиях мощного внешнего воздействия от прошлых своих состояний, от внутренней логики развития могут зависеть и весьма слабо. Социальные системы, конечно, открытые: в терминологии синергетики «диссипативные», они взаимодействуют с внешним миром, теряют и получают энергию. Они суверенны постольку, поскольку во взаимодействиях с иными системами способны не отказаться от своего прошлого, от укорененности в собственную историю. В итоге, отстоять автономию совсем не просто. Потому-то суверенность слабые политические лидеры зачастую просто имитируют велеречивыми красивыми декларациями.

Европа на быке

На известном полотне В. Серова бык, плывущий с похищенной Европой, изображен не белым, а обычным, гнедым. Белизна быка в античном мифе значила его смиренность и символизировала высоту намерений Зевса. Похоже, Серов в это не верил. Все прозаичнее, в соответствии с профанным цветом быка, вышло. В XX в. Европа не на Крит, не на теплый юг отправилась, а на свой закат, в Америку. Суверенная «душа Европы» была похищена США. Впрочем, в 2025 г. «невесте» дали понять, что она с ее «капризами» и бурным прошлым не столь уж привлекательна и нужна.

Большую часть своей истории Западная Европа состояла из небольших объединений с размытыми границами, перманентно борющимися друг с другом. Петр Савицкий, как известно, прямо связывал ее дробное политическое устройство с разнообразием географических ландшафтов. Обществам Европы поэтому, мол, свойственны сепаратистские на строения. Ландшафты же Евразии гораздо более однообразны, габитусы номадов схожи, а посему – почему бы им не объединяться? Для евразийских кочевников сепаратизм губителен, а нередкая в Западной Европе ксенофобия – противоестественно [8, с. 684–687]. Понятно, кроме географических условий общества формируются также иными факторами, реальная картина более сложна и насыщена важными нюансами. Но простая схематика Савицкого, несмотря на многие исключения, все же схватывает главное.

Век полисов, а прежде – вольных ассоциаций общин Magna Graecia (Великой Греции) закончился в IV в. до н.э. построением македонской империи. Но уже в III–II веках в ней на конфедеративной основе складываются Этолийский и Ахейский союзы. Затем

хозяином Средиземноморья становится Рим, который многие столетия ведет перманентные войны. Однако от Диоклетиана начинается распад империи, а с V в. Западная империя существует только номинально. Ее развал на пять столетий (!) вернул Европу к состоянию раздробленности, к сетям мелких сельскохозяйственных общин, к локальным инфраструктурам. Политическая география оставалась текучей, границы неустойчивых объединений, подобных Франкскому королевству, – нечеткими.

Железным аргументом меча объединить большую часть Европы (под знаком католицизма) удалось только Карлу Великому в IX в. Франкская гегемония на протяжении нескольких столетий обеспечила нужную стабильность. XI и XII века стали временем заметного роста – экономического, популяционного, когнитивного. Но уже с началом столетней войны между Англией и Францией начались процессы «трансформации средневекового «крещеного мира», сплоченного властью франкских сюзеренов, в мир, разделенный между национальными монархиями и подотчетными им национальными церквями» [3, с. 332]. Старые параметры суверенитета сменяются новыми, из которых главными является твердый силовой контроль над своей территорией и хорошо работающая фискальная машина всеобщего налогообложения подданных.

Первая Европейская карта национальных государств появляется в 1630 г., во время жуткой Тридцатилетней войны. К XVIII в. среди национальных государств доминируют примерно равные по силе Франция, Англия и Австрия. Вектор агрессии смещается к экспансии внешней, за пределами Европы, направлен на захват «заморских» колоний. Внутри Европы обычная агрессия государств сменяется заботами по охране собственных территориальных контуров. Франция после смерти Людовика XIV экспортирует не интриги, не силу оружия, а свою культуру, которая охотно принимается. Мыслители XVIII в., как правило, воспринимают Европу как нечто единое – неважно, порицая или приветствуя новую реальность. Одни (Монтескье, Вольтер или Кондорсе) относятся к этому с оптимизмом. Другие, как русофоб Руссо, с горечью говорят о том, что «нынче нет ни французов, ни немцев, ни испанцев, ни даже англичан,... существуют только европейцы» [9, с. 178]. Ибо, утратив национальные корни, общества деградируют морально, и для европейцев главными стали не честь, не правда, не верность, но комфорт и материальный достаток.

Шаткое временное равновесие сил было нарушено войной за испанское наследство Пруссии с Австрией, последующая Семилетняя война «погрузила Европу в пучину насилия, эпидемий и ненависти ко всему чужому» [3, с. 472]. Эфемерность оптимизма Просветителей в XIX веке еще сильнее подчеркнули амбиции Наполеона и завоевания Бисмарка, а в XX веке – жуткая реальность мировых войн. После кошмара второй мировой войны Уинстон Черчилль, выражая общую позицию европейской элиты, призывает покончить с национальными распрями (прежде всего, франко-германским антагонизмом), которые обернулись для Европы трагедией. Идея объединения Европы получила «второе дыхание».

Поначалу главная цель объединения состояла в достижении длительного мира, нужного для восстановления разрушенного хозяйства. Затем цели сместились к приорите-

там общего рынка товаров, услуг и труда, к унификации образования и создания единой валюты. По их достижении, с первой половины 90-х годов, на первый план выходит безопасность внешнего контура ЕС. Внешняя политика принимает все более агрессивный характер. С волнами расширения ЕС, а потом и НАТО на восток именно туда, к границам России (прежде всего, на Украину) и сдвигается предполье – так именуется приграничная зона повышенной опасности и возможных боевых действий. Современная объединенная Европа, как видим, сложилась приобщением к экспансии – одним из четырех старых режимов интеракции, который много раз в истории после временных успехов приводил к катастрофам.

Наиболее амбициозное продвижение предполья случилось в нулевых годах (только в 2004 г. ЕС пополнился десятью новыми членами). В 2025 г. многие европейские лидеры выразили недоумение и недовольство, что переговоры о мире на Украине инициируются США и Россией без их участия. Но разве гарантии Януковичу о конституционной смене власти и, позже, относительно выполнения Минских соглашений, которые были даны именно лидерами Европы, не оказались лицемерными и несостоятельными? Боевые действия на территории Украины явились закономерным результатом продвижения европейского фронта. Не на свои деньги, не на свои производственные и технические ресурсы ведет войну киевский режим, опустошая (и демографически, и ментально, и в хозяйственном плане) собственную страну. «Будущее Украины – это будущее Европы», с неосмотрительной риторикой заявляет (или пророчествует?) Урсула фон дер Ляйен (Рамштайн, февраль 2025). Разве может спасти Европу от «заката» стратегия экспансии?

Некоторые авторы считают возможным все же пояснить становление нового мирового порядка именно «законом экспансии» Ратцеля (который они даже возвышают до «инстинкта самосохранения» всякого общества). Только ныне бывшая прямая территориальная экспансия заменена, мол, институциональной интеграцией стран [10]. О мере добровольности вступления в такие «интегративные союзы» ничего не говорится. Но в структуре каждого из них ясно выделено «ядро» (оно составлено сильными в экономическом и военном отношении странами) и периферия стран более слабых.

Демонстративно наглядная иерархия участников подобных союзов, по нашему мнению, оставляет простор для механизмов принудительного и вынужденного вовлечения в такие объединения странами ядра стран периферии с беззастенчивым ущемлением их суверенитетов. Фактически претензия на новизну данного мирового порядка парадоксально опирается на старый (и в итоге деструктивный) режим приобщения к экспансии. Европейский союз, который следует слегка «припудренному» закону экспансии, ожидает неминуемый распад.

Новый мировой порядок принципиально противостоит стратегии приобщения к экспансии (и прочим изживающим себя, но пока активно используемым) режимам традиционных трансакций.

«Вообще не дун-си»

Иероглифом дун 东 китайцы обозначают восток, а запад, си – 西. Их соединение, дун-си 东西 означает понятие «вещь». Когда китаец намерен уязвить другого человека,

он может безглаголю сказать про него: «вообще не дун-си», что примерно соответствует русскому выражению «он просто ничтожество». Вещь для всякого человека – штука нужная, благоприятствует жизни и даже, по мнению китайцев, счастью. Про особо примечательные из них, достойных похвалы, русский человек уважительно скажет, протянув звук «е»: «да, это вещь». В китайском вэньяне (традиционном языке) «восток» сопряжен с «деревом». Оттуда восходит солнце, там – источник всего произрастающего: еды, материалов для одежды, для обустройства жилища. «Запад» же (китайский, откуда реки текут) сопряжен с иным их пяти элементов, с «металлом», дающим обитателям Поднебесной инструменты и машины. Потому-то они, только вместе, и составляют «вещь».

Помимо очевидной метафоры современной цивилизационной и геополитической проблемы отношения Запада и Востока, почти мистического предвосхищения их желательной дополнительной, древнее дун-си несет еще один смысл – горизонтального, четверякого устройства порядка. Тогда как север и юг задают вертикаль культуры человека, нань-бэй, где уместны иерархии. Но они бессмысленны в коннотациях дун-си! В данном случае надежные четыре точки опоры предпочтительнее балансирования на двух ногах, на четвереньках человек устойчивее.

В итоге функциональная асимметрия Запада и Востока вкупе с отсутствием иерархий является условием жизненности целого – порядка вещи и «тьмы вещей» (так в Китае говорят о мире в целом, о Вселенной).

Любая целостность, доказывает на материале дальневосточных культур Т.П. Григорьева, устроена как функциональная асимметрия, складывается дополнительной Логоса и Дао. А вот насильственный «принцип рычага», возвышающий одно за счет другого, популярен в логике ущербного сознания, которое руководствуется примитивом «если можно урвать, почему бы не урвать» [11, с. 10–11]. Конечно, насилие (химса), жадность или иерархии с рычагами – это «вообще не дун-си».

БРИКС принципиально иной. Брикс-бридж стратегия основана на добровольном наведении мостов, причем не только между государствами, но, главное, между хозяйствующими субъектами и прочими разнообразными негосударственными общественными структурами. Государства призваны защищать национальные интересы, в их диалоге далеко не беспочвенны подозрения, что партнер по взаимодействию «тянет одеяло на себя». Странно, если бы этого не происходило. Но БРИКС – не блок государств. Поэтому им следует, наведя нужную инфраструктуру мостов (логистику товаров, капиталов, трудовых ресурсов, пути научных и культурных обменов и пр.) свою активность временно умирить. За последние четыре года многое в инфраструктуре государствами уже сделано, настал черед негосударственных структур интенсифицировать движения по наведенным мостам. Новые мосты, конечно, нужно загодя проектировать и строить, но важно подтолкнуть к встречным конструктивным движениям по уже созданным логистам.

Потенциал БРИКС колоссален. Как молодое объединение стран (и обществ, и государств) БРИКС к настоящему времени, например, фактически обесценил недавние идеи «внешнего океанического кольца» Запада: в удавку для не западного мира его превратить не удалось. «Желтая опасность для мировой свободы», о которой в сослагательном наклоне

нении на высокомерном жаргоне колонизатора с опаской говорил Хэлфорд Маккиндер [12, с. 30], уже наступила: китайцы вкупе с русскими, бразильцами, индусами и другими участниками БРИКС контролируют как ресурсы «осевого региона мировой политики», так и, во многом, «океанические просторы».

Претензии на место гегемона в иерархии, трудные, часто грязные и всегда ненадежные режимы «удержания в седле», конечно, в ближайшее время никуда не уйдут. Но их привлекательность уже тускнеет. Чем успешнее станут общества, разделяющие брикс-бридж стратегию, тем быстрее сможет формироваться действительно новый мировой порядок.

Сопоставление версий мирового порядка и решение сопряженных с этой целью четырех задач, таким образом, позволяет сделать следующие выводы. Все режимы иерархического мирового порядка – поглощения, грабежа, вымогательства и приобщения к экспансии – носят деструктивный характер. Новый порядок не формируется как блок государств, он объединяет страны на горизонтальной основе. Полнота суверенитета утопична, как процесс он рекурсивен, оплотом суверенитета является ментальная автономия. Европейский союз в последние десятилетия вошел в несостоятельный режим приобщения к экспансии, опасный и турбулентный.

Список литературы

1. Ратцель Ф. Народоведение (антропогеография) // Классика геополитики, XIX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 53-182.
2. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 227–598.
3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер Осборн; пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 764 с.
4. Фернандес-Арместо, Ф. Цивилизации / Фелипе Фернандес-Арместо; пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 764 с.
5. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Изд-во «Логос», 2004. – 232 с.
6. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
7. Харари Ю.Н. Номо Деус. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. М.: «Синдбад», 2018. – 777? с.
8. Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства / Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 677–687.
9. Руссо Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и предлагаемые преобразования в сем правлении [1771/1772] // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 2. С. 178-187. 336 с.
10. Барахвостов П.А. «Закон экспансии» Ф. Ратцеля в условиях формирования

- нового миропорядка // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3(9). С. 20-33, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-20-33)
11. Григорьева Т.П. Дао и логос (встреча культур). – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1992. – 424 с.
12. Макиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 7-32.

Сведения об авторе

Шоркин Алексей Давыдович – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

Shorkin A. D.

THE BRICS-BRIDGE STRATEGY OF THE WORLD ORDER

Abstract: *The article compares two types of political associations. The European Union is based on the old modes of interaction inherent in the hierarchical world order. The new order of relations demonstrates BRICS, which is an association of countries, but not a bloc of states. The interaction of states in it is limited to building the basis of infrastructural logistics – bridges for interactions between business entities and public organizations. BRICS-bridge strategies confront the outgoing world order with four traditional modes of interaction between states, which are based on force and infringement of sovereignty. Sovereignty is fluid and fragmented; it cannot be «complete» or absolute. Sovereignty is based on recursiveness, and its mainstay is mental autonomy. Both of these principles are devalued or imitated in the EU, but are untouchable and encouraged in the BRICS.*

Keywords: *world order, modes of interaction, sovereignty, recursiveness, European Union, BRICS.*

References

1. Ratcel` F. Narodovedenie (antropogeografiya) // Klassika geopolitiki, XIX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. – S. 53–182.
2. Xausxofer K. Granicy v ix geograficheskom i politicheskom znachenii // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. – S. 227-598.
3. Osborn R. Civilizaciya. Novaya istoriya Zapadnogo mira / Rodzher Osborn; per. s angl. M. Kolopotina. – M.: AST: AST MOSVA: XRANITEL', 2008. – 764 s.
4. Fernandes-Armesto, F. Civilizacii / Felipe Fernandes-Armesto; per. s angl. D. Arsen`eva, O. Kolesnikova. – M.: AST: AST MOSKVA, 2009. – 764 s.

5. Luman N. Obshchestvo kak social'naya sistema / Per. s nem. A. Antonovskogo. M.: Izd-vo «Logos», 2004. – 232 s.
6. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' / Per. s angl. pod red. Yu.V. Asochakova. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.
7. Xarari Yu.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushhego / Per. s angl. A. Andreeva. M.: «Sindbad», 2018. – 777 s.
8. Saviczkiy P. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy' evrazijstva / Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. – S. 677-687.
9. Russo Zh.-Zh. Soobrazheniya ob obraze pravleniya v Pol'she i predlagamy'e preobrazovaniya v sem pravlenii [1771/1772] // Russo Zh.-Zh. Pedagogicheskie sochineniya: V 2 t. M.: Pedagogika, 1981. T. 2. S. 178-187. 336 s.
10. Baraxvostov P.A. «Zakon e'kspansii» F. Ratselya v usloviyax formirovaniya novogo miroporyadka // Rossiya i mir: nauchny'j dialog. 2023. № 3(9). S. 20-33, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-20-33)
11. Grigor'eva T.P. Dao i logos (vstrecha kul'tur). – M.: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry', 1992. – 424 s.
12. Makinder X.Dzh. Geograficheskaya os' istorii // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. – S. 7–32.

Shorkin Alexey Davydovich – Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: alexshorkin@mail.ru